

Двадцать девятое июня — эпизод 3 из 3

Доктор выпил рюмку настойки и назло Отлетаеву отрезал себе огромный кусок балыка. Предположенный подскочил к коляске и, чтобы насолить тестю, выпил из горлышка половину настойки... У Отлетаева навернулись слезы.

Это вы назло? зашептал он, хорошо же! Хорошо! Вот вы как... Мерси боку...1 Мировой, не знавший, в чем дело, подошел к коляске.

А-а-а?... Закусываете? спросил он. А не рано ли? Впрочем, одну пропустить не мешает... За ваше здоровье!

Мировой налил себе рюмку настойки и выпил.

Очень хорошо-с! Прекрасно-с! крикнул уже Отлетаев.

Что прекрасно? спросил мировой.

Ничего...

Отлетаев сел в коляску, бросил на траву кулек, иронически нам поклонился и ударил кучера Петра по спине.

Поезжай! крикнул он.

Куда это вы? удивились мы...

Ежели я вам противен... необразован... Козоедов! Иди садись, голубчик! Где нам, мужикам, с господами учеными охотиться? Освободим их от своего присутствия! Иди, милый!

Куда же вы? Что вы дурака корчите?

Ежели я дурак, то зачем вам беспокоиться?... Пущай! Я и есть дурак...

Прощайте-с... я домой...

А мы же на чем поедem?

На чем знаете... Коляска моя.

Да ты, тестюшка, белены, что ли, объелся? крикнул Предположенный.

Козоедов сел рядом с Отлетаевым и смиренно снял шляпу.

Ты с ума сошел? продолжал Предположенный. Вылезай из коляски!

Не вылезу. Прощай, зять! Ты человек образованный, гуманный, цивилизованный... А я... Что я?

А ты дурак! Господа, что же это такое? Кто его раздражил? Вы, доктор? Вы, чёрт вас возьми, вечно лезете со своим ученым носом не в свое дело!

Я для вас не тесть... Прошу не орать, обиделся доктор. Коли будете орать, так и я уеду...

И уезжайте! Велика потеря! Скажите пожалуйста!

Доктор пожал плечами, вздохнул и полез в коляску. Мировой махнул рукой и

тоже полез в коляску.

Мы вечно так, вздохнул он. Никогда у нас ничего не выходит...

Погоняй! крикнул Отлетаев.

Петр чмокнул губами, дернул вожжи, и коляска тронулась с места.

Я и Предположенский переглянулись.

Стой! крикнул я и побежал за коляской. Стой!

Стой! заорал Предположенский. Стой, скоты!

Коляска остановилась, и мы уселись.

Я тебе всё это припомню! сказал, сверкая глазами, Предположенский и погрозил тестю кулаком. Всё! До смерти будешь помнить этот день!

До самого дома мы ехали молча. В душах наших радости высшего качества сменились самыми скверными чувствами. Мы готовы были слопать друг друга и не слопали только потому, что не знали, с какого конца начать лопать...

Когда мы подъехали к отлетаевскому дому, на террасе сидела мадам Отлетаева и пила кофе...

Вы приехали? удивилась она. Что так рано?

Мы вылезли из коляски и молча направились к воротам.

Куда же вы, господа? закричала мадам Отлетаева. А кофе пить? А обедать?

Куда вы?

Мы повернулись к крыльцу и молча, внушительно погрозили нашими огромными кулаками. Предположенский плюнул по направлению к крыльцу, выругался и отправился спать в конюшню.

Дня через два Отлетаев, Предположенский, Козоедов, мировой, земский врач и я сидели в доме Отлетаева и играли в стуколку. Мы играли в стуколку и по обыкновению грызли друг друга...

Дня через три мы поругались насмерть, а через пять пускали вместе фейерверк...

Мы ссоримся, сплетничаем, ненавидим, презираем друг друга, но разойтись мы не можем. Не удивляйтесь и не смейтесь, читатель! Поезжайте в Отлетаевку, поживите в ней зиму и лето, и вы узнаете, в чем дело...

Глушь не столица... В Отлетаевке рак рыба, Фома человек и ссора живое слово...

Очень благодарен (франц. merci beaucoup).